

А.Н. Николюкин*

**«БЕДНЫЕ ЛЮДИ» НА ПУСТЫННОМ ПОЛЕ:
ШЕВЫРЁВ О ДОСТОЕВСКОМ¹**

Аннотация. В статье рассматривается первый отклик С.П. Шевырёва на появление в литературе Ф.М. Достоевского с его романом «Бедные люди». Шевырёв выступает против «натуральной школы» и ее защитников В.Г. Белинского и А.И. Герцена, решительно отрицаая партийный подход к литературе.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский; С.П. Шевырёв; В.Г. Белинский; Н.А. Некрасов; «натуральная школа».

Получено: 05.02.2021

Принято к печати: 06.03.2021

Для цитирования: Николюкин А.Н. «Бедные люди» на пустынном поле: Шевырёв о Достоевском // Литературоведческий журнал. 2021. №1(51). С. 21–27. DOI: 10/31249/litzhur/2021.51.02

* **Николюкин Александр Николаевич** – доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, Нахимовский проспект, д. 51/21, 117997, Москва, Россия. E-mail: anikolyukin1928@yandex.ru

Aleksandr N. Nikolyukin – Doctor of Science in Philology, Director of Research, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Nakhimovsky Prospekt 51/21, 117997, Moscow, Russia. E-mail: anikolyukin1928@yandex.ru

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект № 18-012-00150: Шевырёв С.П. Полное собрание литературно-критических трудов: в 7 томах. Т. 2–4.

Aleksandr N. Nikolyukin
«The Poor People» on the waste land:
Shevyryov about Dostoevsky

Abstract. The article deals with the first comment by S. Shevyryov on Dostoevsky's novel «The Poor People». Shevyryov came out against the «natural school» presented by V.G. Belinsky and A.I. Herzen and positively denied the partisan view of literature.

Keywords: F.M. Dostoevsky; S.P. Shevyryov; V.G. Belinsky; N.A. Nekrasov; «natural school».

Received: 05.02.2021

Accepted: 06.03.2021

For citation: Nikolyukin A.N. «The Poor People» on the waste land: Shevyryov about Dostoevsky. *Literaturovedcheskii zhurnal*, no.1(51), 2021, pp. 21–27. (In Russ.) DOI: 10/31249/litzhur/2021.51.02

«В поле, почти пустом, нашей современной изящной словесности, повесть “Бедные люди”, есть явление, конечно, замечательное. Какая мысль этого произведения?», – так открывает С.П. Шевырёв свою статью [1, с. 163] об изданном в 1846 г. Н.А. Некрасовым «Петербургском сборнике»². Правда, на «поле почти пустом», т.е. тексте «Петербургского сборника», напечатаны известные произведения И. Тургенева, Искандера (А. Герцен), В. Одоевского, стихи А. Майкова, Н. Некрасова и даже одна из лучших статей В. Белинского. Это не мешает Шевырёву поставить главный вопрос, по поводу которого и написано рассуждение о «Петербургском сборнике», продолжающем ту же традицию, что и вышедший ранее, тоже под редакцией Некрасова, сборник «Физиология Петербурга».

Вопрос – о натуральной школе, как это стало называться в то время. В литературе создавалась партия, обозначенная именами Белинского и Искандера. Шевырёв утверждал, что «существование партий только вредно в литературе». Эта важная мысль

² Предпочтение взгляям «натуральной школы» высказано в статье К.В. Ратникова «Шевырёв и Достоевский – размежевание и сближение». URL: <https://proza.ru/2020/10/22/784> (дата обращения: 20.01.2021). Иная, исторически справедливая точка зрения выражена в книге: Мартынов В.А. У истоков «русской идеи»: жизнь и судьба С.П. Шевырёва. М.: Форум, 2013.

Шевырёва в статье о «Петербургском сборнике» обращена к возникшей в нашей литературе натуральной школе. Эта мысль остается актуальной и для потомков, для тех, кто жил через столетие, в 1940-е годы, когда членство во вполне определенной партии стало определяющим в жизни человека.

Как известно, в извещении о выходе «Петербургского сборника» [2] Ф. Булгарин в целях унижения новой литературной школы впервые презрительно назвал ее «натуральной». «Бедные люди», открывавшие «Петербургский сборник», были восприняты не только соратниками Белинского, но и его противниками как произведение, программное для «натуральной школы». Началась суэта вокруг нового имени. Шевырёв замечает по этому поводу: «В одном журнале петербургском весьма справедливо было сказано, что “новый талант, великий или обыкновенный, может теперь смело выходить на литературное поприще без журнальных и всяких других протекций: он сейчас же будет признан за то, что он есть в самом деле”». Слова эти взяты из появившейся тогда же анонимной статьи Белинского «Голос в защиту от “Голоса в защиту русского языка”» в «Отечественных Записках» [3]. Такое признание и подтвердила публикация «Бедных людей».

Достоевский, отмечает Шевырёв, задал себе задачу в своей первой повести изобразить в бедном чиновнике человека с благороднейшими сочувствиями ко всему бедному. Страстный охотник до уменьшительных, в чем уже видно его смирение, Макар Девушкин живет помаленьку, втихомолочку. Занятие его – переписывание, хотя, судя по слогу его писем и по многим очень верным размышлениям, можно было бы предположить, что он вовсе не лишен способностей, как герой гоголевской «Шинели» Акакий Акакиевич, и годился бы на другое дело. Самым чистым чувством сострадательной любви он связан с бедным существом – довольно образованной девушкой Варварой Доброселовой. Вот как он выражается в одном из своих писем (августа 21): «Узнав вас, я стал, во-первых, и самого себя лучше знать, и вас стал любить; а до вас, ангельчик мой, я был одинок и как будто спал, а не жил на свете. Они, злодеи-то мои, говорили, что даже и фигура моя неприличная, и гнушились мною, ну и я стал гнуться собою; говорили, что я туп, и я в самом деле думал, что я туп, а как вы мне явились, то вы мою жизнь осветили темную, так что и сердце и

душа моя осветились, и я обрел душевный покой, и узнал, что и я не хуже других; что только так, не блещу ничем, лоску нет, тону нет, но все-таки я человек, что сердцем и мыслями я человек» [цит. по: 1, с. 167].

В этих немногих словах высказывается намерение автора. Он окружил своего героя миром бедности. Все несчастное трогает сердце Девушкина: тут семейство Горшковых, шарманщик, мальчик с запиской, просящей милостины, и другие эпизоды.

С этим врожденным чувством человеколюбия соединена в Девушкине амбиция – он боится общественного мнения, думает о том, что скажут люди. Ради других, для вида, он пьет чай, потому что чаю не пить как-то стыдно; по той же причине – для людей – он ходит в шинели и носит сапоги. Вот почему его так задела «Шинель», посягнувшая на его амбицию. Повесть изменила его мнение о литературе, которую Девушкин прежде любил, а теперь начал называть вздором.

Произведение Достоевского, считает Шевырёв, явно филантропическое, что в первой половине довольно искусно прикрыто живым исполнением, но становится особенно заметно во второй. Потому и анализировать его нужно с двух точек зрения: художественной и филантропической.

«В отношении художественном мы можем заметить в новом повествователе наблюдательность и чувство. Многое в Макаре Алексеевиче подмечено очень верно. Все эпизоды о бедных людях проникнуты чувством, особенно рассказ о студенте Покровском и об отце его едва ли не лучше всей повести. Письмо Девушкина о смерти сына у Горшковых заставит больше чем задуматься» [1, с. 169].

Но заметно ли оригинальное художественное создание, задается вопросом Шевырёв. Оригинальность художника, пишет он, определяется формою его созданий. На форме и всем колорите «Бедных людей» лежит неотразимая печать влияния Гоголя, что проявляется как в слоге Макара Девушкина, так и в юморе, например, когда сочинения Ратаяева не нравятся Варваре, Девушкин советует ей прочесть их с конфеткой во рту. В описаниях Варвары Доброселовой есть многие внешние приемы, которые Достоевский неудачно, по мнению Шевырёва, заимствует у Гоголя; особенно это касается «широких эпитетов».

Рассуждая о филантропической стороне повести, которая, на взгляд Шевырёва, гораздо заметнее художественной, критик замечает, что филантропическая тенденция в отечественной словесности имеет зарубежное происхождение: русские писатели становятся филантропами из подражания. Западная литература сумела превратить в тенденцию высочайшую христианскую добродетель – любовь к ближнему, но, как и всякая тенденция, в сущности – мода, тенденция филантропическая может и даже должна пройти, сменившись другого. Превратить любовь к ближнему – добродетель вечную – в филантропическую тенденцию века, значит, на самую добродетель наложить моду. Что за странный, что за самолюбивый и гордый век, восклицает Шевырёв, или, лучше, небольшая часть века, которая объявляет себя по преимуществу филантропическою, которая из любви к ближнему делает знамя, из людей человеколюбивых – свою партию, обижает все другие эпохи и народы своею похвальбою, создает литературу, создает какое-то искусство филантропическое, как будто бы любви к ближнему не было в прежнем искусстве, даже языческом, не говоря уже о христианском! Положение того общества не совсем нормально, которое дошло до таких результатов, что на добродетель вечную и всемирную хочет наложить печать какой-то своей привилегии. Мы понимаем тенденцию индустриальную, пишет Шевырёв, но тенденция филантропическая и ее литература нам кажутся странным исчадием нашего капризного столетия. Тенденция филантропическая сменяется религиозною, и религия подвергается также условиям переходного движения.

Но что делает несчастное искусство, будучи поставлено в агенты человеколюбивой тенденции? Оно лишено своей красоты, считает Шевырёв, и наполнено только «выставкой» филантропии какого-нибудь писателя, который средства к существованию, нередко роскошному, получает «от своих бедных». Хорошо еще, если он талантом рассказчика вызовет у читателей сострадание к обездоленным; но беда, если он, преследуя филантропические цели, возбуждает лишь скуку и доводит до обращенного к бедному: «На, но отвяжись».

Истинно изящное и без филантропических тенденций всегда возбуждало любовь к ближнему. Это сознавали и язычники: у них красота рождала любовь. Шевырёв вспоминает слова Платона о

высокой любви, возбуждаемой красотою. Христианство еще более укрепило это положение. После всякого глубокого художественного впечатления душа человека «настроена гармонически и растворена к добру». К чему же создавать какое-то особенное филантропическое искусство, когда всякое искусство, изящное само в себе, непременно содержит в себе сочувствие и любовь к человечеству? Не стоит любовь к ближнему подвергать искусству моды, но следует заботиться лишь об одном, чтобы произведение искусства было прекрасно, и тогда добро от него будет. В противном случае произведение в духе филантропической тенденции, но не имеющее непреходящих достоинств, «живет только временною потребностию».

Возвращаясь к Достоевскому, Шевырёв выражает удивление, как автор «Бедных людей», повести замечательной, мог написать «Двойника», считая его грехом против художественной совести, без которой нет истинного дарования. В «Двойнике» вначале «беспрерывно кланяешься знакомым из Гоголя»: Чичикову, Носу, Петрушке, индейскому петуху в виде самовара, Селифану; чтение же всей повести производит «действие самого неприятного и скучного кошмара после жирного ужина». Мотив частично напоминает «Бедных людей»: амбиция русского человека в чиновнике, оскорблённая произвольным поступком.

В русском человеке, отмечает критик, чувство личности заменяется тем чувством, которое создало пословицу: на людях и смерть красна. Русский человек дорожит тем, что скажут о нем люди, и постольку ценит себя и личность свою, поскольку признают ее другие. Петр Великий понял это и основал табель о рангах, которая, хотя перенесена из чужой земли, но привилась крепко укоренилась на русской почве.

Голядкина, чиновника очень порядочного, имевшего виды супружеские в одном доме, вытолкали по шеям из этого дома. Он на том помешался и видит двойника своего везде. Мысль писателя обнаруживает талант наблюдательный, но, заключает Шевырёв, «беда таланту, если он свою художественную совесть привяжет к срочным листам журнала, и типографские станки будут из него вытягивать повести» [1, с. 191]: в этом случае рождаются могут одни кошмары, а не поэтические творения.

Список литературы

1. Шевырёв С.П. «Петербургский сборник», изданный Н. Некрасовым // Москвитянин. 1846. Ч. 1. № 2. С. 163–191.
2. Северная Пчела. 1846. 26 янв. № 22.
3. Отечественные записки. 1846. Т. 44. № 2. Отд. V. С. 44.